

Е. К. Ритм сердца

Е. К. Ритм сердца

<https://litres.ru/73512352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя — тихая, неуверенная в себе девочка, одержимая учебой и подготовкой к экзаменам. Её жизнь меняется, когда яркая бунтарка Ира втягивает её в школьную музыкальную группу с десятиклассниками Димой и Мишей.

История о первой любви, настоящей дружбе и предательстве, о поиске себя и смелости быть собой. Это книга о тех, кто боится сделать первый шаг, и о тех, кто помогает этот страх преодолеть.

Е. К.

Ритм сердца

Глава 1 : Школьный ритм

Первое сентября в этом году выдалось на удивление солнечным. Лучи утреннего солнца, ещё нежаркие, но уже по-осеннему золотистые, заливали школьный двор, скользили по свежевыкрашенным бордюрам и заставляли шуриться нарядных учеников. Воздух был наполнен той особой, ни с чем не сравнимой смесью запахов: увядающие астры с клумб, типографская краска новых учебников и, конечно, дешёвый, но такой манящий парфюм из отдела косметики, которым успели побрызгаться все, от семиклассниц до выпускников.

Катя Смирнова стояла в стороне от общего гомона, прижимая к груди стопку учебников, перетянутую яркой резинкой. Она чувствовала себя неуклюжей и чужой на этом празднике жизни. Новая школьная форма – тёмно-синяя юбка и жилет – сидела на ней не так элегантно, как на одноклассницах, которые умудрялись даже в строгом дресс-коде выглядеть моделями с обложки. Катя же, полноватая и нескладная, казалась себе в этом наряде набивной подушкой. Она машинально поправила очки на переносице – вечно сползающие, с немного заляпанными стёклами – и вздохнула.

Новый учебный год. Девятый класс. Для кого-то – время

беззаботной юности, для других – первый серьёзный рубеж перед выбором профессии. Для Кати это означало только одно: бесконечные домашние задания, подготовку к ОГЭ, ночи над учебниками и тетрадями. Её жизнь была расписана по минутам, как расписание уроков. Дом – школа – библиотека – дом. Круг замкнут, и вырваться из него она не собиралась. Там, за этим кругом, было слишком шумно, слишком непредсказуемо и страшно.

– Кэтрин! Стоишь, как памятник неизвестному отличнику? – раздался звонкий, чуть хрипловатый голос, и чьи-то руки бесцеремонно закрыли Кате глаза. – Угадай, кто?

Катя улыбнулась, узнав подругу по запаху – смесь сигаретного дыма, который Ира тщетно пыталась зажевать мятной жвачкой, и её любимых духов с нотой ванили и табака.

– Ира, только ты способна нападать на людей с утра пораньше, – сказала Катя, высвобождаясь из объятий.

Перед ней стояла полная противоположность Кати. Ира Петрова была яркой, как тропическая птица. Её волосы, выкрашенные в цвет электрик, были сегодня собраны в два небрежных пучка, из которых торчали разноцветные перья для волос. Вместо школьной формы на ней была короткая клетчатая юбка, чёрные колготки в крупную сетку, массивные армейские ботинки и свободная футболка с логотипом неизвестной Кате панк-рок группы. На губах – тёмная помада, а в ухе – целая батарея серёжек. В девятом классе с таким видом можно было шокировать кого угодно, но Иру это

только веселило.

– Ну как можно быть такой букой в такой день? – воскликнула Ира, окинув подругу критическим взглядом. – Сними ты эти очки, надень линзы! И юбка у тебя классная, чего ты сутулишься? Расправь плечи! Ты же у нас красавица, просто скрываешь это от всех.

– Я ничего не скрываю, – пробормотала Катя, краснея. – Просто мне так удобно. И учебники тяжёлые.

– Да брось ты! Дай сюда, – Ира бесцеремонно забрала у подруги стопку книг. – Пошли, найдём местечко на скамейке, пока вся эта галдящая толпа не ринулась в классы.

Они устроились на лавочке в тени старого клёна. Школьный двор гудел, как потревоженный улей. Первоклашки с огромными букетами гладиолусов испуганно жалась к родителям, старшеклассники сбивались в стайки, обсуждая прошедшее лето.

– Ну, рассказывай, – потребовала Ира, закидывая ногу на ногу. – Как ты провела лето? Перечитала всего Достоевского?

– Почти угадала, – улыбнулась Катя. – Достоевского я перечитала ещё в июне. В июле я взялась за Толстого, «Анну Каренину». А в августе... – она замаялась.

– В августе? – подтолкнула её Ира.

– В августе я записалась на онлайн-курсы по подготовке к ОГЭ по русскому и математике, – выпалила Катя, будто признаваясь в чём-то постыдном.

Ира закатила глаза и схватилась за сердце.

– Катя, ты убиваешь меня. Ты готова к этим экзаменам лучше, чем наши учителя! У тебя по всем предметам пятёрки! Зачем тебе эти курсы?

– Для подстраховки, – тихо ответила Катя, теребя край юбки. – Вдруг я что-то упустила? Вдруг задания изменят? Я просто хочу после девятого перейти в десятый, а потом поступить в университет на бюджет. У родителей нет денег на оплату обучения. Я не могу подвести их. Не могу подвести себя. Это мой единственный шанс.

– Ой, Кать, ну какие шансы? Жизнь она огромная! – Ира широко развела руки в стороны. – Не в оценках счастье. Счастье – вот здесь, – она ткнула пальцем себе в грудь, чуть выше вышитого черепа на футболке. – А ты его в конспектах ищешь.

– А ты где ищешь? – с вызовом спросила Катя, но тут же пожалела о своем тоне.

Ира не обиделась, а загадочно улыбнулась.

– А я уже нашла. Частично. – Она понизила голос, хотя вокруг всё равно никто не обращал на них внимания. – Помнишь, я тебе писала про парней из десятого, с которыми мы тусовались в городском парке в конце августа?

– Ты писала что-то про музыкантов, – кивнула Катя. Честно говоря, она читала сообщения подруги по диагонали, будучи погружённой в очередной вебинар.

– Не просто музыкантов! Они группу собирают! Дима на

гитаре играет – божественно просто, пальчики так и бегают по струнам. А Миша – он в музыкалке на фортепиано учился, но больше шарит в технике, он нам запись настроит. Мы уже пару раз джемили в школьном актовом зале, благо ключи у Димы есть. Представляешь? Десятиклассники, а такие крутые!

Катя с трудом представляла. Музыка для неё всегда была чем-то далёким, из наушников, когда она ехала в автобусе. Живая музыка, репетиции, своя группа – это было из параллельной вселенной, где живут такие, как Ира: смелые, свободные, громкие. А парни из десятого класса казались ей вообще существами из другого мира – взрослыми, недостижимыми.

– Здорово, – вежливо сказала Катя. – Рада за тебя.

– За меня? А ты? – Ира вдруг подалась вперёд, схватив Катю за руку. – Слушай, у нас же есть одна проблема. Мы играем, у нас есть пара своих песен на мотив известных хитов. Но мы хотим своё, настоящее! Чтобы тексты были не про «любовную любовь» и страдания, а про нас, про школу, про то, что мы чувствуем. Понимаешь?

Катя насторожилась. Она слишком хорошо знала этот блеск в глазах подруги. Ира загоралась идеями, как спичка.

– И при чём тут я?

– А при том, Катюша, – ласково сказала Ира, – что ты у нас единственный человек, который может связать два слова не матом. Ты эссе на пять страниц пишешь так, что учитель-

ница литературы плачет и просит напечатать в школьной газете. Ты стихи пишешь? Я видела твои каракули на полях тетрадки!

Катя густо покраснела до корней волос. Эти «каракули» были её тайной. Маленькие рифмы, зарисовки о дожде за окном, о старом фонаре во дворе, об одиночестве в толпе. Она никогда никому их не показывала.

– Это не стихи... это так... ерунда, – запротестовала она.

– Это не ерунда! – отрезала Ира. – Короче, план такой. В конце сентября школьный фестиваль талантов. Мы должны выступить. Дима горит этим, Миша уже колдует над аппаратурой, а я буду петь. Но нам нужна «фишка». Нужна своя песня. Или хотя бы классная лирика. Катя, помоги! Напиши текст для нас!

Катя испуганно замахала руками.

– Ира, ты с ума сошла? Я? Я никогда... Я не умею писать песни. Это же ритм нужен, рифма особенная, чтобы под музыку ложилась. Я только про природу могу...

– Вот и напиши про природу! Про природу наших чувств! – Ира засмеялась. – Давай, Кать, не сливайся. Приходи сегодня после уроков в актовый зал. Послушаешь нас, вдохновишься. Посидишь тихонько в уголке. Никто тебя есть не будет. Просто слушаешь живой звук. Может, музы тебя посетят.

– Я не могу, – механически возразила Катя, но в глубине души что-то дрогнуло. Актовый зал. Живая музыка. Обыч-

но она проходила мимо его дверей, слыша оттуда гул голосов или звуки настраиваемых инструментов, и всегда ускоряла шаг. Ей казалось, что туда пускают только избранных, талантливых, красивых. Старшекласников. Таких, как Ира. Но Ира сейчас звала её туда. Лично.

– У тебя подготовка к ОГЭ? – перебила её мысли Ира. – Катя, одно занятие пропустить можно. Это же не каждый день. Это шанс! Шанс попробовать что-то новое. Ты же умрёшь от скуки за своими учебниками и не узнаешь, на что ещё способна, кроме как щёлкать задачки и цитировать классиков.

Слова Иры были колкими, но в них чувствовалась забота. Она единственная, кто пытался вытащить Катю из её добровольного заточения.

– А твои родители? – слабо пискнула Катя. – Они же будут против, если ты будешь выступать с какой-то группой?

– Мои? – Ира хмыкнула. – Маме всё равно, она на новой работе пропадает. А отцу я вообще не нужна. Он с Нового года не звонил. Так что я сама по себе. Полная творческая свобода.

В этом «полная творческая свобода» было столько горечи, что Катя, несмотря на всю свою заикленность на себе, это почувствовала. Она вдруг остро осознала, как им с Ирой повезло друг с другом. У Кати был гипертрофированный родительский контроль, но были любящие, хоть и вечно уставшие родители. У Иры была свобода, за которую она платила

одиноким.

– Ладно, – выдохнула Катя, удивляясь сама себе. – Я подумаю.

– Не думай! Приходи! Сегодня в четыре, – Ира чмокнула подругу в щёку и, схватив свою сумку-через-плечо, понеслась в сторону входа, где уже начинала собираться толпа на торжественную линейку.

Линейка была томительно-длинной, как всегда. Директор говорил о высоких достижениях, приглашали отличников, и Катя, когда назвали её фамилию, вышла вперёд, чувствуя на себе десятки взглядов. Она знала, что думают одноклассники: «заучка», «ботаник», «серая мышь». Она старалась не смотреть в их сторону, уставившись в начищенные туфли директора. Было неловко и душно.

После линейки начались первые в этом году уроки. Они тянулись бесконечно, но Катя поймала себя на мысли, что думает не о квадратных уравнениях на алгебре, а о предстоящем визите в актовый зал. «Странно, – подумала она, – неужели мне правда интересно?»

Когда прозвенел звонок с последнего урока, сердце Кати забило быстрее. Литература закончилась, и она медленно собирала вещи, глядя, как одноклассники шумно выбегают из класса.

– Ну что, идём? – Ира возникла на пороге как привидение.

– Я... да, наверное, – пробормотала Катя, хватая рюкзак.

Они прошли по пустому коридору второго этажа. Школа после уроков казалась огромной и тихой, только где-то далеко гремели ведрами уборщицы. Актный зал находился в торце здания. Огромные двери были приоткрыты. Ира, не колеблясь, толкнула их, и они вошли внутрь.

В зале царил приятный полумрак. Тяжелые бордовые кулисы были задернуты, софиты не горели, свет проникал только из высоких окон. На сцене горела одна лампа, освещающая небольшое пространство, где стояли микрофонные стойки, несколько колонок и синтезатор на металлической подставке.

Возле синтезатора возился высокий худощавый парень в худи с капюшоном, из-под которого виднелись светлые взлохмаченные волосы. Он сосредоточенно копался в проводах, подключенных к ноутбуку. Это был Миша из десятого класса.

А в центре сцены, на стуле, с гитарой в руках сидел Дима. Катя узнала его сразу. Ну, то есть она его, конечно, знала – он учился в параллельном десятом, и все девчонки в школе постоянно обсуждали, какой он красивый. Но видеть его вот так, в своей стихии, было совсем другим делом. Он был высоким, с тёмными, чуть взлохмаченными волосами, падающими на глаза. Он что-то тихо наигрывал, и пальцы легко и уверенно перебирали струны. Мелодия была простая, но красивая и немного грустная. Дима был погружён в музыку и не сразу заметил вошедших.

Катя почувствовала, как воздух в зале стал каким-то другим. Более густым, что ли. Она невольно замедлила шаг и спряталась за спину Иры.

– Диман, Миша, привет! – громко сказала Ира, и её голос эхом разнёсся под высокими сводами. – Я не одна. Привела нашего лирического гения.

Дима поднял голову, и его пальцы замерли на струнах. Он посмотрел на Иру, потом перевёл взгляд на Катю. Его глаза были тёмно-карими, почти черными. Он улыбнулся – открытой, тёплой улыбкой, от которой на щеках появились ямочки.

– Привет, – сказал он, и голос у него оказался низкий и спокойный. – Ирка много про тебя рассказывала. Ты Катя, да?

Катя открыла рот, чтобы ответить, но звук застрял у неё в горле. Щёки предательски вспыхнули жаром. Она почувствовала, как краснеет – густо, некрасиво, пятнами. Очки противно запотели от разницы температур на улице и в зале. Она была уверена, что выглядит сейчас полной дурой: краснощёкая, в дурацких очках, сжимающая лямку рюкзака так, что побелели костяшки пальцев. И перед кем? Перед десятиклассником! Перед самым популярным парнем в школе!

– П-привет, – выдавила она наконец, ненавидя свой писклявый голос.

Миша отвлёкся от проводов и мельком взглянул на новенькую. Его лицо было спокойным и немного отстранён-

ным.

– Здарова, – коротко бросил он и снова уткнулся в экран ноутбука.

– Не обращай на него внимания, он стеснительный, – улыбнулся Дима, положив гитару на колени. – Он у нас гений клавиш и техники, но с людьми общается через компьютер. Проходи, садись. Мы как раз собирались кое-что попробовать.

– Ага, давай, Катюх, располагайся, – подхватила Ира, избегая по ступенькам на сцену. – Смотри и вдохновляйся.

Катя несмело прошла вперёд и села на первый ряд кресел, застеленных бархатной тканью. В зале пахло пылью, деревом и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в театрах – запахом кулис и вдохновения. Дима снова взял гитару, перекинул ремень через плечо и встал. Он переглянулся с Мишей, тот кивнул и что-то щёлкнул на мышке.

– Ну, погнали «Ту самую», – сказал Дима. – Ира, вступаешь на проигрыше.

Ира подошла к микрофону на центральной стойке, поправила его под свой рост и взялась за него обеими руками. В этот момент она перестала быть просто бунтаркой-подружкой. Она стала другой – собранной, серьёзной, артистичной.

Миша положил пальцы на клавиши, и из колонок полилась простая, но очень ритмичная партия синтезатора. А потом вступила гитара Димы. Катя не разбиралась в музыке, но то, что он играл, завораживало. Его пальцы порхали по

струнам, извлекая чистые, прозрачные звуки. Он играл с закрытыми глазами, полностью отдаваясь мелодии.

Ира запела. Голос у неё оказался сильным, чуть хриловатым, с потрясающей энергетикой. Текст был простым, про то, как хочется вырваться из серых будней, про солнце в кармане и протест против скуки.

Катя смотрела на них, затаив дыхание. Трое таких разных людей на сцене создавали единое целое. Дима был сердцем группы, его гитара задавала пульс. Ира была душой и голосом, выплёскивающим эмоции. Миша был мозгом, отвечающим за технологию и крепкую основу. Они были прекрасны. И Катя вдруг остро, до физической боли, захотела быть частью этого. Не на сцене, нет. Просто быть рядом. Быть нужной им.

Когда песня закончилась, в зале повисла тишина, а потом Катя, сама не ожидая от себя, захлопала в ладоши. Хлопок получился одиноким и громким в пустом зале.

Ребята на сцене обернулись к ней. Дима улыбнулся той самой улыбкой.

– Ну как? – спросил он, глядя прямо на Катю. – Честно.

Катя сглотнула. Язык снова прилип к нёбу.

– Это... это было потрясающе, – сказала она тихо, но в тишине зала её голос прозвучал отчётливо. – У вас здорово получается. Правда.

– Слышь, Миш, у нас первый фанат появился! – засмеялся Дима, прыгивая со сцены. Он подошёл к Кате и сел на

корточками рядом с её креслом, положив гитару на пол. Теперь он был так близко, что она могла рассмотреть родинку над его губой и то, как смешно топорщатся отдельные волоски на его макушке. Десятиклассник сидел перед ней на корточках и смотрел снизу вверх!

– А ты, говорят, стихи пишешь? – спросил он, заглядывая ей в глаза. В его взгляде не было насмешки, только искренний интерес.

Катя снова покраснела, но на этот раз попыталась взять себя в руки.

– Я... я просто иногда... балуюсь.

– А ты не балуйся, – серьёзно сказал Дима. – Ты попробуй. Текст к этой песне, что мы сейчас играли – он сырой. Ирка его из головы взяла, он хороший, но какой-то... недоделанный. Не хватает в нём глубины, что ли. Смысла. Ты бы не могла послушать? Может, идея какая придёт?

Он протянул ей руку, приглашая подняться на сцену. Катя механически протянула свою ладонь. Его рука была тёплой и сухой, с мозолями на подушечках пальцев от струн. Она позволила увести себя на сцену, чувствуя себя во сне. Ира подмигнула ей из-за стойки, а Миша даже кивнул, что-то одобрительно мыкнув.

– Давай, просто послушай текст, – сказал Дима, отдав гитару Ире, и встал рядом с Катей. Ира снова запела, чуть тише, почти а капелла.

Катя слушала, и в голове у неё сами собой начали скла-

дываться строчки. Не такие, как пела Ира. Другие. Про то, как трудно быть собой. Про то, что даже в самой серой мыши может жить дракон. Про то, что музыка – это и есть тот самый ветер, который может поднять тебя над землёй.

Когда Ира закончила, Дима повернулся к Кате. Его лицо было совсем рядом.

– Ну? – спросил он шёпотом. – Есть мысли?

Катя подняла на него глаза. Его улыбка, его близость, его вера в неё сделали невозможное. Она кивнула.

– Есть, – выдохнула она. – Кажется, есть.

Дима просиял. Он хлопнул в ладоши и обернулся к остальным:

– Я же говорил! Чуваки, у нас теперь есть своя поэтесса!

А Катя стояла на сцене, чувствуя, как под её ногами вибрируют доски, и впервые за долгое время не думала об ОГЭ, об учебниках и о том, какая она неуклюжая. Она думала о рифме. О том, как подобрать слова, чтобы выразить эту внешне вспыхнувшую внутри радость, этот новый, знакомый ритм, который заиграл в её собственной груди. Школьный ритм, который вдруг перестал быть скучным и предсказуемым.

Глава 2: Тайны подруг

После того памятного вечера в актовом зале прошло три дня. Три дня, которые перевернули привычный мир Кати Смирновой с ног на голову. Она по-прежнему ходила на уроки, щелкала задачки по алгебре и писала сочинения, но в го-

лове у нее теперь постоянно звучала музыка. Точнее, не музыка даже, а обрывки мелодий, которые наигрывал Дима, и слова, слова, слова... Они роились в голове, требуя выхода, просились на бумагу.

Катя впервые в жизни писала стихи не «в стол», не для себя, а с конкретной целью. Она перебрала десяток вариантов припева для песни, которую они слушали в тот вечер. Ни один не казался достаточно хорошим. То рифма хромала, то смысл выходил слишком пафосным, то, наоборот, примитивным.

Ира подбадривала ее сообщениями в мессенджере, скидывала смешные мемы про творческие муки и каждую перемену подбегала к Катиной парте с вопросом: «Ну как? Родилось что-нибудь?»

К пятнице Катя вымоталась так, будто всю неделю разгружала вагоны. Умственная работа оказалась делом изнурительным. Поэтому, когда в пятницу после уроков Ира схватила ее за руку и потащила к выходу со словами: «Сегодня ночуешь у меня, я уже все с твоими предками согласовала», – Катя даже не стала сопротивляться.

– Как тебе удалось их уговорить? – удивилась Катя, когда они уже тряслись в троллейбусе. – Мои мама с папой обычно с боем отпускают меня куда-то в будний день.

– Сказала, что мы будем готовиться к ОГЭ по литературе вместе, – хитро прищурилась Ира. – Что ты мне pomoжешь, а то я совсем дуб-дубом в этих ваших классиках. Мама твоя

прямо растаяла: «Ирочка, какая ты молодец, что тянешься к знаниям!» Ха! Если б она знала, какие знания меня на самом деле интересуют...

Катя рассмеялась, впервые за неделю почувствовав, как напряжение отпускает. Ира умела находить выход из любой ситуации. Ее жизненная хватка восхищала Катю и одновременно пугала. Сама она никогда не смогла бы так ловко манипулировать родителями, да и вообще кем бы то ни было.

Ира жила в старой хрущевке на окраине города, в двухкомнатной квартире с обшарпанными стенами в подъезде и вечно неработающим лифтом. Когда они поднялись на пятый этаж и Ира открыла дверь своим ключом, Катя сразу почувствовала ту особую атмосферу, которая царила в этом доме. Запах сигарет, одиночества и какой-то неустроенности.

– Проходи, располагайся, – бросила Ира, кидая рюкзак в прихожей прямо на пол. – Мать на смене, до завтра не появится. Так что мы полные хозяйки.

Катя разулась и прошла в комнату подруги. Здесь все было по-другому, не так, как у Кати. Если Катина комната напоминала филиал библиотеки – стеллажи с книгами, письменный стол, заваленный учебниками, и ни одной лишней вещи, то Ирина комната была настоящим логовом бунтарки. Стены увешаны постерами рок-групп, на полках – фигурки персонажей аниме и комиксов, на подоконнике – целая коллекция кактусов в разноцветных горшках. И повсюду разбросана одежда, косметика, тетради, журналы. Творческий

беспорядок, как называла это сама Ира.

– Бросай свои манатки и пошли на кухню, – скомандовала Ира. – Будем чай пить с зефиром. У меня стресс после первой учебной недели, надо заедать.

На кухне было тесно и немного грязно – в раковине стояла немытая посуда, на столе лежали крошки. Ира быстрым движением смахнула их на пол, поставила чайник и достала из шкафа пачку зефира и печенье.

– Не обращай внимания на бардак, – сказала она, заметив, как Катя оглядывается. – Я не приучена к порядку. Мама вечно на работе, а мне лень. Домашнего воспитания не получила, как видишь.

Она усмехнулась, но в этой усмешке Кате почудилась горечь.

Они уселись за маленький кухонный столик, и Ира разлила по кружкам кипяток, бросив по пакетику чая. Катя молчала, не зная, с чего начать разговор. Обычно они болтали о школе, об учителях, об одноклассниках. Но сегодня чувствовалось, что назрел другой разговор. Более серьезный.

– Слушай, Кать, – неожиданно серьезно начала Ира, размешивая сахар в кружке. – А тебе не бывает обидно? Ну, что ты такая... правильная?

Катя подняла на нее удивленные глаза.

– В смысле – правильная?

– Ну, ты всегда все делаешь как надо, – Ира избегала смотреть на подругу, уставившись в кружку. – Учишься на пятер-

ки, родителей слушаешься, домой вовремя приходишь. Не пьешь, не куришь, по парням не сохнешь. Идеальная дочь, идеальная ученица. Тебе самой-то от этого не тошно?

Катя задумалась. Вопрос Иры задел что-то глубоко внутри. Никто и никогда не спрашивал ее об этом. Родители гордились ее успехами, учителя ставили в пример, одноклассники просто не замечали. Но никто не интересовался, что чувствует она сама.

– Честно? – тихо сказала Катя. – Иногда тошно. Иногда хочется закричать, послать все к черту, разорвать эти дурацкие учебники и убежать куда глаза глядят. Но я не могу.

– Почему? – Ира наконец подняла глаза. В них был неподдельный интерес, без тени насмешки.

– Потому что я боюсь, – призналась Катя. – Боюсь, что если я хоть раз позволю себе расслабиться, хоть раз получу четверку вместо пятерки, все пойдет под откос. Что родители разочаруются во мне. Что учителя перестанут меня замечать. Что я сама в себе разочаруюсь. Я же кроме учебы ничего не умею. Ничего.

Голос ее дрогнул. Она сама не ожидала, что скажет это вслух. Слова, которые годами копились внутри, вырвались наружу, и остановить их было невозможно.

– Ты посмотри на меня, – продолжала Катя, и очки ее запотели от навернувшихся слез. – Я толстая, неуклюжая, в этих дурацких очках. Никто из парней на меня даже не смотрит. Я в зеркало на себя смотреть не могу без отвращения.

А ты говоришь – правильная. Я просто боюсь выглядеть еще хуже, чем выгляжу. Учеба – единственное, что у меня получается хорошо. Если я это потеряю, у меня вообще ничего не останется.

Она замолчала, с ужасом понимая, что сейчас разрыдается прямо за чайным столом. Ира молчала, и Катя боялась поднять на нее глаза. Сейчас подруга начнет утешать, говорить дежурные фразы типа «ты себя накручиваешь» или «ты вовсе не толстая». Но Ира молчала.

А потом произошло неожиданное. Ира встала со своего стула, подошла к Кате и крепко обняла ее. Просто обняла, прижав к себе, как маленькую.

– Дурочка ты, Катька, – сказала она тихо, почти шепотом. – Глупая, смешная дурочка. Ты хоть понимаешь, какая ты на самом деле?

Катя всхлипнула, уткнувшись носом в Ирино плечо, пахнущее табаком и ванилью.

– Я знаю, что ты чувствуешь, – продолжила Ира, не отпуская подругу. – Знаешь, почему я крашу волосы в эти дурацкие цвета и ношу эту дурацкую одежду? Потому что я тоже боюсь. Боюсь, что если я буду обычной, меня вообще никто не заметит. Что я стану пустым местом. А так – я яркая, меня видно. Может, за этим ничего и нет, но зато видно.

Она отстранилась и села на корточки перед Катей, заглядывая ей в глаза.

– Ты думаешь, у меня все легко? Думаешь, мне в кайф

жить одной с вечно отсутствующей матерью и отцом, которому я на фиг не сдалась? Думаешь, я не плачу по ночам в подушку? Еще как плачу. Просто я не показываю этого никому. Кроме тебя.

Катя шмыгнула носом и вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Почему кроме меня?

– Потому что ты настоящая, – просто ответила Ира. – Ты не притворяешься. Ты не пытаешься казаться круче, чем ты есть. Ты просто есть. И с тобой я могу быть собой. Не этой вот, – она указала на свои цветные волосы, – а обычной Ирой, которой тоже бывает больно и страшно.

Она вернулась на свое место и отхлебнула уже остывший чай.

– Знаешь, что я поняла за эту неделю? – спросила Ира. – Когда мы репетировали с Димой и Мишей. Я поняла, что музыка – это единственное место, где я чувствую себя... настоящей. Где мне не надо ничего из себя изображать. Я просто пою, и все.

– У тебя здорово получается, – искренне сказала Катя. – Голос красивый.

– А у тебя – слова, – парировала Ира. – Ты посмотри, что ты написала за эти три дня! Я читала твои наброски. Ты плачешь, что ничего не умеешь, а сама такие строки выдаешь! У меня аж мурашки по коже.

Катя удивленно посмотрела на подругу.

– Правда?

– Честное слово! Дима тоже в восторге. Он просил передать, что ждет окончательный вариант. Так что не смей больше говорить, что ты ничего не умеешь. Ты умеешь. Просто пока сама в это не веришь.

Катя молчала, переваривая услышанное. Ей казалось, что сегодняшний вечер сдвинул какую-то важную деталь в ее внутреннем мире, и теперь все должно стать по-другому.

– Давай договоримся, – вдруг предложила Ира, протягивая руку ладонью вверх. – Что бы ни случилось, мы всегда будем друг за друга. Ты моя лучшая подруга, Катька. Самая лучшая. И я никогда не дам тебе пропасть. Обещаю.

Катя посмотрела на протянутую руку, на серьезное лицо подруги и вдруг почувствовала, как внутри разливается тепло. Она вложила свою ладонь в Ирину.

– Обещаю, – твердо сказала она. – Ты тоже моя лучшая подруга. И я всегда буду рядом. Что бы ни случилось.

Они сидели на тесной кухне, держась за руки, и обе чувствовали, что этот момент изменил что-то в их отношениях. Сделал их глубже, крепче, надежнее. Из просто подруг по школе они превратились в настоящих сестер по духу, готовых поддержать друг друга в любой ситуации.

– Ладно, – первой нарушила молчание Ира, вытирая навернувшиеся слезы. – Что-то мы раскисли, как две старушки. Давай лучше чай пить, а то зефир засохнет. И покажешь мне свои новые стихи. Я хочу все-все услышать.

Катя улыбнулась и полезла в рюкзак за тетрадкой. Чайник снова закипел, на кухне запахло свежей заваркой, а за окном уже стемнело. Этот вечер стал для них обеих особенным – вечером откровений, слез и обещаний, которые они дали друг другу. И обе знали: эти обещания они сдержат. Чего бы это ни стоило.

Ночью, лежа на раскладушке в Ириной комнате и слушая ровное дыхание подруги, Катя смотрела в потолок и думала о том, как странно устроена жизнь. Еще утром она чувствовала себя одинокой и никому не нужной, а сейчас она осознала, что у нее есть человек, который понимает ее без слов. И это чувство принадлежности, чувство, что ты не одна в этом огромном мире, было самым ценным, что у нее когда-либо было. Даже ценнее всех пятерок вместе взятых.

Глава 3: Баскетбольная звезда

Субботнее утро выдалось на удивление тихим. Катя проснулась позже обычного – сказалась бессонная ночь после разговора с Ирой. Дома было спокойно: родители уехали на дачу, оставив на холодильнике записку с инструкциями по разогреву обеда и списком дел по хозяйству. Катя лениво позавтракала, полистала учебники, но мысли разбегались, не желая сосредотачиваться на формулах и правилах.

В голове крутились обрывки вчерашнего разговора. Ирины слова о том, что она настоящая, что у нее есть талант, грели душу, но одновременно и пугали. А что, если Ира оши-

бается? Что, если ее стихи на самом деле бездарны, а Дима с Мишей просто из вежливости делают вид, что им интересно?

Чтобы заглушить тревожные мысли, Катя решила прогуляться. Осеннее солнце манило на улицу, обещая последние теплые деньки. Она надела джинсы, свободный свитер, наспех причесалась и, сунув ноги в кеды, выскользнула из дома.

Ноги сами принесли ее к школе. Катя усмехнулась: даже в выходные ее тянет туда, где проходят будни. Но школа в субботу выглядела совсем иначе – пустая, тихая, загадочная. Только спортзал на первом этаже светился окнами. Катя знала, что по субботам у баскетбольной секции тренировки, и хотела было пройти мимо, но вдруг услышала звуки гитары.

Она замерла. Звуки доносились из-за приоткрытой двери спортзала. Кто-то играл мелодию, которую Катя уже слышала – ту самую, что Дима играл в актовом зале. Но сейчас она звучала иначе. Более чисто, более пронзительно, что ли. Катя не удержалась и заглянула внутрь.

Спортзал был залит солнечным светом, лившимся из огромных окон под потолком. В центре, на полу, подложив под себя куртку, сидел Дима. Рядом валялся баскетбольный мяч, а в руках он держал гитару. Пальцы легко перебирали струны, и мелодия разносилась под высокими сводами, отражаясь от стен и создавая удивительную акустику. Дима был увлечен, глаза закрыты, он слегка покачивался в такт музыке.

Катя заворуженно смотрела на него, боясь пошевелиться. Она чувствовала себя нашкодившей кошкой, подглядывающей за чем-то сокровенным, личным. Нужно было уходить, пока он не заметил, но ноги словно приросли к полу.

Дима закончил играть и открыл глаза. Несколько секунд он смотрел в пространство перед собой, а потом повернул голову и встретился взглядом с Катей.

– О, привет! – он улыбнулся, и его лицо осветилось той самой теплой улыбкой, от которой у Кати каждый раз подкашивались колени. – Давно стоишь?

Катя покраснела до корней волос.

– Я... я не специально. Проходила мимо и услышала музыку. Извини, я пойду...

– Стой! – Дима поднял руку. – Не уходи. Заходи, раз уж пришла. А то я тут один скучаю. Баскетбольная тренировка отменилась, тренер заболел, а я уже приперся. Дай, думаю, хоть на гитаре поиграю, пока зал свободный.

Он похлопал ладонью по полу рядом с собой.

– Садись. Или ты боишься на грязном полу сидеть?

Катя несмело вошла в спортзал. Пахло потом, резиной от мячей и деревом. Она присела на корточки, потом все-таки опустилась на пол, подобрав под себя ноги и обхватив колени руками. До Димы было метра два, и это расстояние казалось ей спасительным.

– Ты классно играешь, – сказала она, чтобы нарушить тишину. – Я не очень разбираюсь, но мне нравится.

– Спасибо, – Дима отложил гитару и повернулся к ней. – Это я сам сочинил. Ну, мелодию. А вот слов пока нет. Ирка твои стихи хвалила. Говорит, ты написала что-то к нашей песне. Покажешь?

Катя замялась. Тетрадка со стихами лежала в рюкзаке – она всегда теперь носила ее с собой, чтобы записывать проходящие в голову строчки. Но показывать их Диме... Это было страшно.

– Я не знаю... Они еще сырые, недоделанные...

– А ты не бойся, – мягко сказал Дима. – Давай посмотрим вместе. Если что-то не так, я скажу. Честно. Но без злобы. Договорились?

Катя посмотрела на него. В его глазах не было насмешки, только искренний интерес. Она полезла в рюкзак, достала замусоленную тетрадку в клеточку и протянула ему, отвернувшись, чтобы не видеть его реакцию.

Дима взял тетрадь и углубился в чтение. Катя украдкой наблюдала за ним. Вот его брови чуть приподнялись, вот губы тронула улыбка, вот он нахмурился, перечитывая какую-то строчку. Время тянулось бесконечно долго.

– Слушай, – наконец сказал он, поднимая глаза. – Это же круто! Правда. Я не вру. Вот эти строки, – он ткнул пальцем в середину страницы, – про всех, кто пробует что-то новое. Как ты это придумала?

Катя пожала плечами, не зная, что ответить. Она не придумывала. Это просто приходило само.

– Я прочитал твой вариант припева, – продолжил Дима. – Можно я попробую его сыграть? Прямо сейчас? Посмотрим, как ляжет на музыку.

Катя кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Дима взял гитару, тихонько заиграл вступление, а потом запел, положив на мелодию Катины слова. Голос у него оказался приятным, чуть хрипловатым на низких нотах. Он пел, иногда сбиваясь, подправляя ритм, и Катя с удивлением понимала, что ее слова действительно ложатся на музыку. Они звучат! Ее слова, написанные в тетрадке, вдруг обрели голос и душу.

Дима допел и отложил гитару.

– Работает! – объявил он с довольной улыбкой. – Немного подшлифовать пару мест, и будет бомба. Ты талант, Катя. Серьезно. У тебя дар чувствовать слова.

У Кати защипало в глазах от нахлынувших чувств. Ее хвалили. Не за пятерку по литературе, не за выученное стихотворение, а за то, что шло из самой души. Это было так ново и так приятно, что она не знала, куда деваться от счастья.

– Спасибо, – прошептала она.

– Это тебе спасибо, – улыбнулся Дима. – Слушай, а может, придешь на следующую репетицию? Мы в среду собираемся. Я покажу, что у нас получилось, может, еще что-то родится на месте.

– Я приду, – пообещала Катя, и голос ее прозвучал тверже, чем обычно.

Они еще немного посидели в спортзале, обсуждая песню. Дима рассказывал о том, как они с Мишей познакомились, как придумали собрать группу, как Ира к ним присоединилась. Катя слушала и чувствовала, как тает лед внутри, как уходит скованность. С Димой оказалось легко и просто, совсем не страшно.

Когда она вышла из школы, на душе было легко и радостно. Солнце светило ярче, птицы пели громче, и даже осенний ветерок казался ласковым. Катя улыбалась своим мыслям и не заметила, как пролетела дорога до дома.

В понедельник в школе все вернулось на круги своя. Но для Кати этот день начался иначе. Она поймала себя на мысли, что с нетерпением ждет встречи с Ирой, чтобы рассказать о субботнем приключении. Подруга должна была появиться с минуты на минуту.

Катя стояла у своего шкафчика в раздевалке, перекладывая учебники, когда услышала знакомый голос. Голос принадлежал Ксюше – той самой «королеве школы», как ее называли за глаза. Ксюша училась в параллельном десятом, вместе с Димой, и считалась главной красавицей. Высокая, стройная, с идеальным макияжем и дорогой одеждой, она двигалась по коридорам так, будто снималась в реалити-шоу о жизни звезд. Вокруг нее всегда вилась свита – такие же ухоженные и самоуверенные девочки.

Сегодня Ксюша стояла в компании своих подружек неда-

леко от Катиного шкафчика и говорила достаточно громко, чтобы ее слышали все вокруг.

– Вы видели эту Смирнову из девятого? – щебетала Ксюша, поправляя идеально выпрямленные волосы. – Которая в очках и вечно с книжкой?

Подружки захихикали.

– А что такое? – спросила одна из них, рыженькая Лена.

– Мне Дима говорил, что она к ним в группу напросилась. Якобы стихи пишет, – Ксюша скривила губки. – Представляете? Эта серая мышь – и стихи? Наверное, про любовь к учебнику математики.

Девушки засмеялись громче.

– А я слышала, что она в спортзал к нему в субботу приходила, когда никого не было, – добавила Ксюша, понизив голос, но все равно достаточно громко, чтобы Катя услышала. – Пока тренировка отменилась, она туда приперлась. Как думаете, зачем?

– Ой, Ксюш, не говори, – подхватила Лена. – Такие, как она, только и мечтают о таких, как Дима. Но ты посмотри на нее – страшная, нелепая, одевается как пенсионерка. Куда ей до тебя?

– Да мне-то что, – пожала плечами Ксюша, но в голосе явно слышалось довольство. – Просто смешно. С такими-то данными лезть куда-то. Сидела бы в своей библиотеке и не высывалась.

Катя стояла, вжавшись в шкафчик, и чувствовала, как

земля уходит из-под ног. Каждое слово Ксюши впивалось в сердце острой иглой. Серая мышь. Страшная. Нелепая. Куда ей до нас. Эти слова крутились в голове, вытесняя все остальные мысли. Щеки горели огнем, к горлу подступил комок.

Она хотела провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать невидимкой. Руки тряслись, и она никак не могла застегнуть молнию на рюкзаке.

В этот момент в раздевалку влетела Ира. Она с порога оценила обстановку – Катю, вжавшуюся в шкафчик, и компанию Ксюши, довольно переглядывающуюся. Ирины глаза сузились.

– Эй, вы! – громко сказала она, подходя ближе. – Языки не устали молоть?

Ксюша обернулась и окинула Иру презрительным взглядом.

– А, Петрова, привет. Тоже решила заступиться за свою подружку? – протянула она. – Ты бы лучше за собой следила. С такими волосами только в цирке выступать.

– А ты за своей внешностью следи, – парировала Ира, подходя вплотную. – Слышала я, что говорят про тебя и десятиклассников. Но мы не об этом. Ты бы, Ксюша, занялась лучше своими делами, а не обсуждала тех, кто в сто раз талантливее тебя.

– Талантливее? – Ксюша рассмеялась. – Эта? В чем ее талант – пятерки получать? Подумаешь, достижение.

– Ее талант – писать так, что люди плачут, – отчеканила Ира. – А твой талант – только языком трепать и косметикой мазаться. Так что иди отсюда, пока я не сказала что-то, о чем ты пожалеешь.

Ксюша хотела что-то возразить, но, видимо, решила не связываться. Она фыркнула и, развернувшись, выплыла из раздевалки в сопровождении своей свиты. Лена на прощание оглянулась и показала Ире язык, но та лишь закатила глаза.

Как только они ушли, Ира подскочила к Кате.

– Ты как? – спросила она встревоженно. – Не обращай внимания на эту дуру. Она просто завидует.

– Чему ей завидовать? – глухо спросила Катя, не поднимая глаз. – Она права. Я действительно страшная и нелепая. И лезу не в свое дело.

– Катька, прекрати! – Ира схватила подругу за плечи и слегка встряхнула. – Ты что, не видишь? Она специально это говорит, потому что боится. Боится, что ты можешь занять место, которое она считает своим. Она же сохнет по Диме, это всем известно. А он с тобой разговаривает, твои стихи хвалит. Вот она и бесится.

Катя подняла глаза. В них стояли слезы.

– Правда?

– Нет, я прикалываюсь, – с сарказмом сказала Ира. – Ксюшка давно вешается на Диму, а он ноль внимания. А тут ты – приходишь, разговариваешь, стихи пишешь. Конечно, у нее истерика. Не смей из-за таких, как она, сомневаться в

себе. Ты слышала, что Дима в субботу сказал? Что ты талант. А он врать не будет.

Катя шмыгнула носом и вытерла слезы.

– Откуда ты знаешь, что он сказал?

– Он Мише рассказал, а Миша мне, – улыбнулась Ира. – Так что держи хвост пистолетом. И пошли уже на урок, а то опоздаем.

Они вышли из раздевалки и направились в класс. Слова Ксюши все еще жгли душу, но поддержка Иры и воспоминание о субботнем разговоре с Димой согревали изнутри. Катя шла по коридору, стараясь не сутулиться, и думала о том, что, может быть, Ира права. И она еще покажет этой Ксюше, на что способна серая мышь из девятого класса.

Глава 4: Фестиваль начинается

До школьного фестиваля талантов оставалось две недели, и это известие обрушилось на участников как снег на голову. Объявление, расклеенное по всей школе на ярко-желтых листах, гласило: «Фестиваль „Золотая осень" состоится 30 сентября в актовом зале. Прием заявок до 20 сентября. Ждем всех!»

– Двадцать второе уже! – в ужасе воскликнула Ира, размахивая листовкой перед носом у Кати на большой перемене. – У нас осталась неделя!

Катя оторвалась от учебника по химии, который читала в перерыве между алгеброй и литературой, и близоруко со-

щурилась на подругу.

– Неделя – это много, – философски заметила она. – За неделю можно горы свернуть.

– Ты не понимаешь! – Ира рухнула на соседний стул и забарабанила пальцами по столу. – У нас песня не готова. Точнее, музыка есть, слова есть, спасибо тебе, гений пера, но мы ее даже ни разу полностью не прогоняли. Дима говорит, надо репетировать каждый день, а у нас то зал занят, то Миша с ноутбуком колдует, то я после школы убегаю...

– Куда это ты убегаешь? – удивилась Катя. Обычно Ира после школы была свободна как ветер.

– Да мать придумала меня на курсы китайского записать, – поморщилась Ира. – Говорит, языки развивают память. А мне этот китайский... я и по-русски то не всегда правильно разговариваю. Но пришлось согласиться, а то она опять начнет про мое будущее, про то, что я никем не стану, и вообще позор семьи.

Катя сочувственно вздохнула. У нее отношения с родителями были другими, но давление она тоже чувствовала постоянно. Только если Иру пилили за отсутствие амбиций, то Катю – за их гипертрофированность. «Не зацкливайся так на учебе, отдохни, погуляй, посмотри на мир», – твердила мама. И Катя честно пыталась смотреть, но мир за пределами учебников казался ей таким пугающим и непонятным.

– Ладно, – Ира резко выпрямилась и хлопнула ладонью по столу так, что Катя вздрогнула. – Хватит ныть. Надо что-

то решать. Давай после уроков сходим к Диме, спросим, как быть. Может, у него есть идеи.

Катя почувствовала, как сердце сделало кульбит. После той субботы в спортзале они с Димой виделись мельком пару раз в коридоре, перебрасывались приветствиями, но надолго не задерживались. Катя каждый раз краснела, вспоминая, как он пел ее слова, и не решалась подойти первой. Ира, конечно, заметила это состояние подруги и безжалостно подшучивала, но в меру, без перегибов. Она понимала, что для Кати любое внимание со стороны парня – территория неизведанная и пугающая.

– Идем, – решительно сказала Ира, не дожидаясь Катиного согласия. – После шестого урока встречаемся у входа. Опоздаешь – штраф: мое дежурство по школе за меня отбудешь.

Катя только кивнула, понимая, что спорить бесполезно.

После уроков они нашли Диму в холле второго этажа. Он стоял у окна с Мишей, и они о чем-то оживленно спорили, глядя в экран Мишиного телефона. Дима что-то показывал пальцем, Миша качал головой и тыкал в ответ. Со стороны это выглядело как жаркая дискуссия двух заговорщиков.

– Мальчики, привет! – Ира подлетела к ним, бесцеремонно втискиваясь между ними. – Обсуждаете мировое господство?

Дима поднял голову и, увидев Катю, улыбнулся той самой

улыбкой.

– Привет, поэтесса! – сказал он. – А мы тут как раз про вас думали.

– Про нас? – удивилась Ира. – И что же вы думали? Что мы гениальны и пора покорять сцену?

– Типа того, – усмехнулся Дима. – Мы с Мишей прикидывали, как нам успеть все отрепетировать до фестиваля. В школе зал постоянно занят то репетициями младших классов, то собраниями, то уборками. А нам нужно звук нормально выстроить, чтобы не опозориться.

Миша поднял глаза от телефона и коротко кивнул, подтверждая слова друга. Он вообще был немногословен, этот Миша. Катя замечала, что он предпочитает отмалчиваться, наблюдая за всеми со стороны своими спокойными серыми глазами. Но когда дело касалось техники, он преображался – начинал говорить быстро, уверенно, используя слова, которые Катя с трудом понимала.

– Я предлагаю собраться у меня в субботу, – продолжил Дима. – Родители уезжают на дачу, квартира в полном распоряжении до вечера воскресенья. Аппаратуру притащим, Миша все настроит, и отрепетируем по полной программе. Никто не помешает.

Ира просияла.

– Диман, ты гений! Конечно, мы придем! Кать, ты как?

Катя замялась. Идти в гости к Диме? В его квартиру? Где он живет, где его комната, где... Она почувствовала, как ще-

ки начинают нагреваться.

– Я... не знаю, – пробормотала она. – Мне нужно родителей спросить. Они не очень любят, когда я по гостям хожу, тем более к мальчикам...

– Ой, да брось! – отмахнулась Ира. – Скажешь, что мы литературный кружок собираем, или... ну, не знаю... подготовка к олимпиаде! Ты же у нас олимпиадница, вот и пригодится.

– А что, кстати, насчет декораций? – вмешался Миша, и все удивленно обернулись к нему. Он редко вступал в разговор первым. – На фестивале же нужно оформление. У нас есть что-нибудь?

Повисла пауза. Никто об этом даже не подумал.

– Блин, – выдохнула Ира. – А ведь правда. Нужен какой-то фон, атмосфера. Мы же не можем просто выйти и встать как истуканы.

– Можно попросить школьного художника, – неуверенно предложил Дима. – Но он вечно занят, у него кружок изо, он только для начальной школы рисует.

– А зачем просить? – вдруг сказала Катя тихо. – Я могу попробовать.

Все трое уставились на нее.

– Ты? – удивился Дима. – Ты же стихи пишешь. А рисовать тоже умеешь?

Катя смутилась под их взглядами, но отступить было поздно.

– Я в художественную школу ходила пять лет, – призналась она. – В младших классах. Потом времени не стало, учеба загрузила, но основы я помню. Могу попробовать набросать эскизы. Если вы не против, конечно.

– Катька, ты чудо! – Ира повисла у подруги на шее. – Ты просто кладезь талантов! И стихи, и рисуешь! Дима, слышал? У нас теперь еще и художница своя!

Дима смотрел на Катю с новым интересом, от которого у нее внутри все переворачивалось.

– Это круто, – просто сказал он. – Правда. Тогда в субботу и обсудим. Ты приноси эскизы, мы посмотрим. А пока нам с Мишей бежать надо, у нас физика доп. занятия.

Они распрощались, и Ира с Катей медленно побрели к выходу.

– Ну что, – довольно сказала Ира, – план действий ясен. Ты рисуешь, я уламываю свою мать на тему субботы, а они с Димоном репетируют. Только ты это... не дрейфь. Все будет хорошо.

Катя кивнула, но внутри у нее бушевал ураган. Суббота. Гости. Дима. И она, которая должна не только стихи писать, но еще и рисовать. А вдруг у нее ничего не получится? Вдруг ее эскизы покажутся им детским садом? Страх и волнение смешивались с предвкушением, создавая гремучую смесь.

Оставшиеся дни до субботы пролетели как один миг. Катя погрузилась в творчество с головой, впервые за долгое время

позволив себе отвлечься от учебников. Она нашла в старом шкафу коробку с красками и кистями, купленными еще в художественной школе, и с удивлением обнаружила, что руки помнят, как смешивать цвета, как делать правильные мазки.

Она придумала эскиз декорации для их выступления. Что-то абстрактное, но с настроением: осенний лес, уходящий вдаль, с яркими пятнами желтых и красных листьев, и над всем этим – большое оранжевое солнце, которое должно было символизировать тепло и надежду. Катя набросала несколько вариантов на бумаге, потом перенесла самый удачный на небольшой лист ватмана, раскрасила акварелью и осталась довольна результатом. Получилось атмосферно и красиво.

В пятницу вечером, когда родители вернулись с работы, Катя, собрав всю свою смелость, подошла к маме на кухню, где та готовила ужин.

– Мам, можно я завтра к Ире съезжу? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– К Ире? – мама повернулась, вытирая руки о полотенце.
– А почему не у нас? Она же к нам обычно приходит.

– Мы готовимся к школьному фестивалю, – Катя заговорила эту фразу заранее. – Нужно вместе кое-что обсудить, посмотреть материалы. У нее там... ну, больше места.

Мама внимательно посмотрела на дочь. Катя внутренне сжалась, ожидая привычных расспросов: кто будет, во сколько вернешься, почему именно там.

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась мама. – Только чтобы к девяти вечера была дома. И звони, если что.

Катя чуть не подпрыгнула от радости. Она быстро чмокнула маму в щеку и убежала в свою комнату собираться, пока родительница не передумала. Она даже не соврала – фестиваль был, подготовка была. Просто место встречи было немного другим.

Суббота наступила быстро. Катя проснулась рано, хотя могла бы поспать подольше – выходной все-таки. Но волнение гнало ее из постели. Она долго выбирала, что надеть, перемерила три свитера и двое джинсов, в итоге остановилась на темно-синем платье-свитере, которое немного скрывало полноту, и джинсах. Волосы она собрала в небрежный пучок, оставив несколько прядей у лица – так, как советовала Ира. Очки протерла специальной салфеткой, чтобы стекла блестели.

В назначенное время она встретилась с Ирой на остановке, и они вместе поехали к Диме. Ира, как обычно, была в своем репертуаре: волосы сегодня были собраны в высокий хвост, на ней была косуха, короткая юбка и высокие ботинки на толстой подошве. Она выглядела так, будто собралась на рок-концерт, а не на репетицию в гости.

– Волнуешься? – спросила Ира, заметив, как Катя теребит край рукава.

– Есть немного, – призналась Катя.

– Не дрейфь. Дима нормальный, Миша вообще молчит, как рыба, они не кусаются. Главное – покажи свои рисунки. Они офигеют, вот увидишь.

Дом Димы оказался современной высоткой в новом районе, с охраной на входе и лифтом с зеркалами. Они поднялись на двенадцатый этаж, и Ира уверенно нажала кнопку звонка. Катя перевела дыхание.

Дверь открыл Дима. На нем были простые домашние брюки и свободная футболка, волосы чуть взлохмачены, а на носу – очки для компьютера. Катя удивилась, увидев его в очках, но промолчала.

– Привет, девчонки! Заходите, – он посторонился, пропуская их в прихожую. – У нас тут небольшой творческий беспорядок, но вы не обращайте внимания.

Квартира оказалась большой и светлой. Современный ремонт, светлые стены, много техники. Ира с Катей разулись и прошли в гостиную, откуда доносились звуки какой-то игры.

В гостиной их ждал сюрприз. На огромном угловом диване, точнее, на пуфике, который стоял рядом, полулежал Миша. Он был полностью поглощен процессом игры в приставку: пальцы быстро бегали по джойстику, глаза были прикованы к огромному телевизору на стене. Рядом с ним на полу валялись наушники, пустая банка из-под колы и пачка чипсов. Миша даже не обернулся на вошедших.

– Миш, к нам гости! – громко сказал Дима, но Миша лишь отмахнулся.

– Сейчас, уровень добыю, – пробормотал он, не отрываясь от экрана.

Катя улыбнулась. Миша в своей стихии выглядел так забавно и органично, что вся неловкость момента исчезла.

– Располагайтесь пока, – Дима указал на диван. – Он сейчас доползет. Миша, ты звук настраивать пришел или в игры рубиться?

– И то, и другое, – философски заметил Миша, ловко уворачиваясь от виртуального противника. – Вот сейчас... сейчас... Есть! – он отложил джойстик и наконец повернулся. – Привет, девчонки. Извините, залип. Тут новая часть вышла, не мог оторваться.

– Ты всегда не можешь оторваться, – усмехнулся Дима. – Ладно, пошли лучше аппаратуру собирать, пока ты окончательно в диван не врос.

Миша нехотя поднялся с пуфика, на ходу дожевывая чипсы, и они с Димой ушли в другую комнату за аппаратурой. Ира плюхнулась на диван и вытянула ноги.

– Ну и как тебе? – спросила она у Кати. – Уютно у них. Богато живут.

Катя кивнула, оглядывая комнату. Диван, большой телевизор, стеллажи с книгами и дисками, на стенах постеры музыкальных групп. Обычная комната обычного подростка, но с какой-то особенной атмосферой. Здесь чувствовалось, что здесь живет человек с душой.

Миша с Димой вскоре вернулись, таща колонки, стойки

для микрофонов и несколько проводов. Началась рутинная работа по подключению, и Катя с интересом наблюдала, как Миша преображается. Из ленивого геймера, валяющегося на пуфике, он превращался в сосредоточенного профи. Он ловко соединял провода, что-то щелкал в ноутбуке, проверял звук, морщился, если что-то шло не так, и снова колдовал над настройками.

– Миш, а ты откуда так в этом разбираешься? – спросила Ира, наблюдая за его манипуляциями.

– Самоучка, – коротко ответил Миша, не отрываясь от экрана. – В интернете смотрел, форумы читал. Потом практика.

– Скромничает он, – вставил Дима. – Он в прошлом году школьный концерт на День учителя озвучивал так, что директор просил его на всех мероприятиях главным звукорежиссером быть. У него талант.

Миша смущенно хмыкнул и уткнулся в ноутбук еще глубже.

Наконец звук был настроен, микрофоны подключены, и Дима взял гитару.

– Ну что, попробуем? Ира, становись к микрофону. Кать, ты пока посиди, послушай.

Катя устроилась в углу дивана, сжимая в руках папку с эскизами. Дима заиграл вступление, Ира запела. Они прогоняли песню несколько раз, останавливаясь, споря о каких-то нюансах, снова начинали. Миша сидел за ноутбуком, регу-

лируя звук и делая пометки в блокноте.

Катя слушала и чувствовала, как мурашки бегут по коже. Ее слова, написанные в тетрадке, теперь звучали здесь, в этой комнате, обретая плоть и кровь. Дима добавил гитарный проигрыш, который делал песню более динамичной, Ира вкладывала в пение всю свою душу. Получалось здорово.

После третьего прогона Дима отложил гитару и повернулся к Кате.

– Ну как тебе? – спросил он, запыхавшись. – Ложится?

– Очень красиво, – искренне сказала Катя. – Мне нравится. Особенно вот этот момент, где гитара затихает, а потом снова врывается. Прямо мурашки.

Дима довольно улыбнулся.

– Это Мишка придумал. Он сказал, что надо добавить динамики, а то слишком ровно.

Миша, услышав свое имя, поднял голову и коротко кивнул, принимая комплимент, и снова уткнулся в настройки.

– А покажи, что ты там нарисовала? – попросила Ира, подходя к дивану и падая рядом с Катей.

Катя развязала тесемки на папке и достала эскизы. Разложила их на журнальном столике. Дима подошел поближе, Миша тоже оторвался от ноутбука и подсел к ним.

На листах были осенние пейзажи, абстрактные композиции с листьями, один вариант с большим солнцем, другой – с дождем, третий – с изображением музыкальных инструмен-

тов, вплетенных в ветви деревьев.

– Это я придумала, – объясняла Катя, волнуясь. – Можно сделать большой щит, на нем нарисовать осенний лес. А сверху, если получится, прикрепить настоящие листья, засушенные. Они будут красиво шуршать, когда вы будете играть. Или если ветер от колонок пойдет...

Она замолчала, боясь поднять глаза. В комнате повисла тишина. Катя с ужасом ждала вердикта.

– Кать, – наконец сказал Дима, и голос у него был какой-то странный. – Ты серьезно?

Катя подняла глаза, готовясь к критике, но увидела на его лице искреннее восхищение.

– Это же гениально, – выдохнул он. – Ты посмотри, как цвета подобраны. И эта идея с листьями – ваще бомба. Миш, ты видел?

Миша кивнул, разглядывая эскизы с непривычным для него интересом.

– Круто, – коротко, но веско сказал он. – Я могу подсветку подобрать, чтобы листья блестели.

– Катька, ты наша рок-звезда! – Ира обняла подругу, чуть не задушив в объятиях. – Я же говорила, что ты талантище!

Катя расцвела от похвалы. Страх отступил, уступив место радости и гордости. Ее идеи понравились, их приняли, их хотели воплотить!

– Значит, так, – деловито сказал Дима, хлопнув в ладоши. – План действий. Катя доделывает эскизы и готовит оконча-

тельный вариант декорации. Мы с Ирой репетируем дальше. Миша колдует над светом и звуком. В следующий раз встречаемся здесь же в среду. А теперь...

Он посмотрел на часы и вдруг хитро улыбнулся.

– А теперь, раз уж мы все здесь, предлагаю немного отвлечься. А то зациклились на фестивале, скоро с ума сойдем.

– Что ты предлагаешь? – насторожилась Ира.

– Есть идея, – Дима подошел к музыкальному центру и включил какую-то ритмичную музыку. – Ира, ты же танцуешь? Я видел, как ты на школьной дискотеке отжигашь.

Ира самодовольно улыбнулась.

– Допустим. И что?

– А давай устроим мини-джем? Я играю, ты танцуешь. Для разгрузки мозгов.

Ира вскочила с дивана, не раздумывая ни секунды.

– Легко!

Дима взял гитару и заиграл что-то ритмичное, с быстрым темпом. Ира начала двигаться – сначала неуверенно, приносиваясь к ритму, а потом все смелее. Она танцевала зажигательно, с вызовом, как умела только она. Ее разноцветные волосы развевались, глаза горели, она вся была движением и энергией.

Катя смотрела на подругу и восхищалась. Сама она никогда не умела так двигаться. На дискотеках она обычно стояла у стены, делая вид, что пишет сообщение в телефоне, или просто уходила пораньше. Танцы были для нее запрет-

ной зоной, местом, где ее неуклюжесть становилась особенно заметной.

Дима тоже это заметил. Перебирая струны, он посмотрел на Катю, которая сидела, вжавшись в диван, и сжимала в руках свои эскизы, как щит.

– Кать, а ты чего сидишь? – спросил он, не прекращая играть. – Давай к нам!

Катя испуганно замахала руками.

– Что ты! Я не умею. Я вообще... я только смотреть.

– Брось! – Дима улыбнулся. – Здесь нет зрителей, все свои.

Ира тут же подскочила к дивану и схватила Катю за руку.

– Пошли, Катюха! Никто не кусается. Просто подвигаемся под музыку. Это весело!

– Я не могу, – сопротивлялась Катя, чувствуя, как паника поднимается изнутри. – Я неуклюжая, я все испорчу. И вообще, я в очках, они упадут...

– Очки снимешь, – тут же нашелся Дима. – Я тоже в очках, и ничего. Давай, смелее.

Миша, наблюдавший за этой сценой с пуфика, вдруг поднялся и подошел к Диме.

– Дай-ка, – сказал он, забирая у него гитару. – Я сыграю что-нибудь помедленнее. Для начинающих.

Дима удивленно поднял брови – Миша редко проявлял инициативу в таких делах, – но гитару отдал. Миша неуверенно взял несколько аккордов, потом подстроился и заиграл простую, спокойную мелодию.

– Это не танец, это просто движение, – сказал он, глядя на Катю своими спокойными глазами. – Делай что хочешь. Главное – кайфовать.

Ира все еще держала Катю за руку. Катя оглянулась на них – Дима смотрел ободряюще, Миша сосредоточенно подбирал аккорды, Ира сияла улыбкой. И в какой-то момент страх отпустил.

Она медленно сняла очки, положила их на журнальный столик и поднялась с дивана. Мир стал немного размытым, но это даже помогало – она меньше видела, как на нее смотрят, и могла расслабиться.

– Просто двигайся, – шепнула Ира и начала покачиваться в такт музыке, увлекая подругу за собой.

Катя сделала шаг, другой. Она чувствовала себя ужасно неловко, но музыка обволакивала, заставляя тело расслабляться. Она закрыла глаза и позволила себе просто плыть по звукам. Медленная мелодия Миши лилась спокойно и мягко, убаюкивая страхи.

Неизвестно, сколько это продолжалось – минуту или пять. Но когда музыка стихла, Катя открыла глаза и увидела, что все смотрят на нее. Ира – с гордостью, Дима – с удивлением, Миша – с задумчивым интересом.

– Ты танцевала! – выдохнула Ира.

Катя смутилась и потянулась за очками, но Дима ее остановил.

– Подожди, – сказал он. – Знаешь, а тебе идет без очков.

Правда. Глаза красивые.

Катя почувствовала, как краска заливает щеки. Дима только что сказал, что у нее красивые глаза! Она не знала, куда деваться от смущения и счастья одновременно.

– Ладно тебе, – пробормотала она, надевая очки и пряча взгляд. – Просто музыку хорошо выбрали.

– Ну да, ну да, – хитро прищурилась Ира. – А Мишка-то у нас не только технарь, но и психолог, оказывается. Кто бы мог подумать.

Миша смущенно пожал плечами и вернул гитару Диме.

– Просто музыка должна быть в кайф, – буркнул он и снова уселся на свой пуфик, на этот раз, впрочем, не хватаясь за джойстик, а просто наблюдая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.